

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Платова, Виктория Евгеньевна.

ПЗ7   Мария в поисках кита / Виктория Платова. — Москва : Эксмо, 2019. — 512 с.

ISBN 978-5-04-105433-5

Здесь очень ветрено. Очень пыльно. Повсюду — одинокие высохшие пальмы.

И еще много кошек. У них длинные ноги и хвосты.

Это — остров. Почти необитаемый. Его в самый раз использовать как площадку для съемок футуристических ужастиков. Здесь обитает всего два десятка странных людей.

Но писательница, почему-то возомнившая себя великой, выбрала это место, чтобы создать свой лучший роман. Мало того, она хотела бы здесь состариться и умереть. Чего не скажешь про ее литагента (и по совместительству прислугу) Тину. Тина мечтает сбежать с этого гребаного острова, он нагоняет на нее тоску.

Сбежать надо было немедленно. Но Тина об этом не знала. А когда узнала — было уже поздно. И дьявольский сюжет писательницы стал превращаться в реальность. Или, может быть, наоборот...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105433-5

© Платова В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ПРОЛОГ

* * *

... — Единственное, что волнует меня, — будет ли конец этим сучкам? — сказал Анхель-Эусебио. — В количественном плане, я имею в виду. Все бы отдал, лишь бы нынешняя оказалась последней.

— А я бы отдал все, лишь бы с ними никогда не случилось то, что случилось. И чтобы ни с кем этого не случилось. Никогда и нигде, — сказал Маноло.

— Х-ха! Тебе и отдавать-то нечего! Держишься на плаву только благодаря мне...

— Я всегда об этом помню, Анхель-Эусебио. Ни на секунду не забываю.

— И правильно делаешь. И не забывай. А про все остальное лучше забыть. В первую голову — про сучек.

— Про ту, которую прибило к нам прошлой зимой, ты тоже говорил «сучка». И что в результате оказалось?

— Что?

— Да ничего. Никто ведь так и не узнал, кто она такая. Кем была на самом деле.

— Вот видишь!.. Это не опровергает мою точку зрения...

— Но и не подтверждает ее.

— Но и не опровергает!.. Всем ведь известно, что женщины либо сучки, либо состоят с тобой в кровном родстве, и это переводит их в разряд святых.

— А в твоём случае — и мучениц. Всем ведь известно, как ты обращаешься с женщинами, Анхель-Эусебио! Двоих своих сестер ты загробил так, что они сбежали... Одна — в Галисию, а другая — вообще в Португалию.

— Х-ха! Туда им и дорога!

— А твои жены? Они ведь тоже с тобой не ужились. Первая вроде бы в Санта-Поле, нет?

— Плевать мне на нее!

— А вторая?

— На вторую плевать еще больше!..

— Оно конечно, да только до Сан-Хавьера твои плевки не долетят! Нет?

— Не зли меня, Маноло!

— Я и не думал злить тебя, Анхель-Эусебио! Ты мой единственный друг. И ты... Ты добрый. Ты милосердный, вот что я хотел сказать. Ни один человек... ни один мужчина не отнесся бы к ним лучше, чем ты.

— Кого это ты имеешь в виду?

— Сам знаешь.

— А-а... Этих сучек, верно?

— Никто не знает, кем они были. На самом деле.

— Ну вот, опять!.. Опять ты начинаешь глупый разговор. Ни к чему хорошему он не приведет. Одни мучения, одно расстройство.

— Но разве ты... не хотел бы знать?

— О чем? О том, что с ними случилось? И так ясно: самое худшее, если они оказались здесь.

— Самое худшее, да. Точнее и не скажешь.

— Да уж! Мелкими неприятностями это не назовешь.

— Все верно. Только я думаю вовсе не о худшем. А о лучшем.

— Для них поздновато думать о лучшем, друг мой Маноло.

— Оно конечно... Но если бы все обернулось по-другому... Если бы сейчас была не зима... Лето...

— Уволь меня от проклятого лета, Маноло! Дай покой!

— Нет-нет, я вовсе не про наше лето...

— Как будто ты знаешь какое-нибудь другое лето! Не смейся! Ты ведь никогда отсюда не уезжал. Никуда.

— Неправда! Три года назад я ездил в Мадрид... На целую неделю.

— Что-то не припомню...

— Это потому что тебя тогда не было на острове. Ты был в отлучке, закупал товар... Брелки, магниты, керамическая посуда... Пробная партия в семьсот штук каждого наименования.

— Точно! Мы тогда быстро все распродали, всего-то и осталось после сезона, что с полсотни кружек. Надо же, я и понятия не имел, что ты ездил в Мадрид. И что ты делал в Мадриде?

— Ничего. Просто решил посмотреть — какой он, Мадрид.

— И какой же он, Мадрид?

— Слишком большой, слишком. И сверкает так, что глазам больно. Они... Они ведь тоже могли жить в Мадриде, нет?

— Кого это ты имеешь в виду?

— Сам знаешь кого. Я думаю, что только там... в сверкающем Мадриде... они могли бы жить. Нигде больше.

— Ты вправду такой дурак или просто прикидываешься? На свете куча городов, которые сверкают почище Мадрида. Только вряд ли они жили в Мадриде...

— Где же еще?

— Почем мне знать? Они светлокотые, и глаза у них широко распялены, так и норовят вскарабкаться на виски, — ничего общего с испанками.

— Как будто в Мадриде одни лишь испанки! Там много разных женщин, отовсюду... Потому что это — Мадрид. А одна из них... Та, что мы выловили не прошлой зимой, а позапрошлой... Самая красивая из всех...

— Не самая...

— По мне — так самая! Блондинка...

— Положим, блондинкой она не была. Шатенка, так будет вернее.

— Вот и нет, Анхель-Эусебио, вот и нет! Точно тебе говорю, она блондинка! И даже немного похожа на американскую актрису, забыл, как ее зовут...

— Американских актрис полным-полно.

— Мы же вместе смотрели этот фильм, про сумасшедшую писательницу и нож для колки льда!

— Шэрон Стоун, вот как ее зовут. Шэрон Стоун. Память у тебя никудышная, Маноло. И нисколько она не похожа. И она шатенка. Шатенка, а никакая не блондинка.

— Это от того, что волосы у нее были мокрые, когда ты ее нашел. Вот она и показалась тебе шатенкой. А первое впечатление — самое сильное. Втемяшишь себе в голову, что было так, а не иначе, — и никакими силами этого не выбить!..

— Да какая теперь разница, блондинка или шатенка? И что тебе до этого? Что тебе до той чертовой зимы? Она давно прошла, нет ее, нет!.. Ты точно с прибабахом, Маноло! И я — полный идиот...

— Зачем же возводить на себя напраслину, Анхель-Эусебио? Какой же ты идиот? Ты самый умный человек на нашем острове, любой это подтвердит! И бизнес у тебя идет лучше всех. И ты знаешь, что предложить пришлым людям, чтобы они остались довольны.

— Пропади они пропадом, эти пришлые люди!

— Оно конечно... Только что бы мы делали без пришлых людей? На местных надежды никакой — из них лиш-

ней копейки не выдавишь. А пришлые легко расстаются с деньгами.

— Х-ха! Про наших сучек такого не скажешь. Даже за вход не заплатили!

— Ну пожалуйста, Анхель-Эусебио, не говори так! Ты всегда был добрым к ним! Всегда был милосердным...

— А еще я был идиотом, раз втравил тебя в эту историю. У тебя и до нее голова не отличалась крепостью, а теперь и вовсе...

— Как же иначе, Анхель-Эусебио? Один бы ты точно не справился, нет? А я твой единственный друг!..

— С чего ты взял?

— С того, что ты мой единственный друг.

— Х-ха! То, что я твой единственный друг, вовсе не подтверждает факта, что ты являешься моим единственным другом.

— Но и не опровергает его!

— М-м-м... Чертов Маноло! Ты совсем меня запутал!.. А самое удивительное, что запутка эта имеет вполне научное название, уж поверь. Я об этом читал.

— Ты всегда читаешь... Это ли не доказательство ума?

— Поверь мне, совсем не это. Но будь я философом, как... Быстро назови мне имя какого-нибудь философа!

— Ну не знаю... Может быть... Может быть — тот парень из фильма, который мы смотрели перед праздником Трех Королей? Помнишь? Тот парень постоянно писал в блокнотах, на доске и просто на бумажках... И ему являлись разные люди...

— Рассел Кроу! Того парня играл Рассел Кроу, но философом он не был. Он был математиком!

— А есть разница?

— Как между нашими голозадыми соседями и пришлыми людьми с деньгами.

— Это существенная разница, ничего не скажешь! Между блондинкой и шатенкой разница намного меньше, вот ты тогда и принял ее за шатенку. Ту, что была похожа на актрису. Шэрон Стоун, теперь я запомнил.

— Не была она похожа! Не была! Треснуть бы тебя по твоей глупой башке!..

— За что?

— За то, что ты снова заставил меня обсуждать этих сушек! Я не хотел, видит бог. Не хотел, а ты взял и заставил. И как только у тебя это получается?

— Сам не знаю... Просто, когда я думаю о них, я думаю о тебе. Какой ты добрый, хоть и говорят, что вместо сердца у тебя кусок камня, завернутый в протухшую рыбку трубуху...

— Тьфу, мерзость! Интересно, что за скотина распространяет обо мне подобные слухи?

— Не важно.

— Маноло!..

— Наверное, все пошло от твоих жен. Сидят себе в Сан-Хавьере... В Санта-Поле... И плетут небылицы потихоньку. А ветер их приносит. И течение прибывает...

— Маноло!.. Не мне тебе объяснять, что прибывает к нам течением. Сам знаешь...

— Я просто хотел сказать: это все неправда. Потому что ты...

— Даже не начинай!

— Но мы ведь все равно уже начали!.. Я давно хотел спросить тебя, Анхель-Эусебио: а тебе никто не является? Как тому парню из фильма?..

— Э-э... Никто. Я же не сумасшедший. И не математик.

— Я тоже, Анхель-Эусебио, я тоже... У меня и со счетом-то плохо, вечно концы с концами не сходятся...

— Это точно. В работе ты сущее наказание, друг мой Маноло. Помеха, да и только.

— Она является мне, Анхель-Эусебио. Каждую ночь.

— Не хочу этого слышать...

— Каждую ночь.

— Вот видишь, даже уши закрыл! Ничего не слышу, ничего!..

— Слышишь! Еще как слышишь!.. Я ведь тоже закрывал уши поначалу. И вату в них запихивал, и куски бумаги. И даже воском заливал...

— Нет, ты точно ненормальный.

— Ничего из этого не получилось. Знаешь почему?

— И знать не хочу!

— Потому что уши здесь ни при чем.

— Конечно, ни при чем. Все дело в твоей некрепкой голове. Ты ненормальный, вот она тебе и снится.

— Я ведь не сказал, что она мне снится. Она — является, а это совсем разные вещи. Совсем.

— Хорошо. Пусть разные. И какой... Тьфу ты черт! Зараза!.. Какой она тебе является?

— Почти такой, какой мы ее нашли. Только она живая. Как ты, как я... Как если бы я встретил ее в Мадриде, на солнечной стороне улицы. Или на той стороне улицы, где всегда горят огни и полно народу. И она бы мне улыбнулась. Или не мне, но дела это не меняет.

— Вот ужас-то!..

— Это совсем не страшно, поверь. Грустно — да, хоть она и улыбается. И сердце щемит. Но не страшно. Поначалу я, конечно, боялся. А потом ничего, привык...

— И что... вы делаете, когда она является тебе?

— Разговариваем. Вернее, она разговаривает.

— С тобой?

— Может, со мной. А может, и нет, но дела это не меняет.

— О чем же она говорит? О чем-то важном?

— Не смотри на меня так, Анхель-Эусебио! Я знаю, к чему ты клонишь! К тем фильмам, где мертвые просят по-

мощи у живых... Не дают им существовать спокойно. Втягивают в неприятности.

— Вовсе нет!.. Неприятностей я не хочу, у нас и так их было предостаточно.

— Три. Ровно три неприятности. По одной на каждую зиму.

— А она что... Просит у тебя помощи?

— Она улыбается. Почти всегда улыбается.

— Как есть ужас!..

— Ужас в том, что я не могу понять, что она говорит мне. Ни единого словечка...

— Она говорит на каком-то другом языке? Не испанском?

— Не испанском, нет.

— А других ты не знаешь! Сколько раз тыкал тебя носом — выучи хоть пару фраз по-английски, толку никакого!.. По-английски худо-бедно лопочут все.

— Это не имеет отношения к английскому, Анхель-Эусебио! И ни к одному из языков, на которых говорят люди.

— Откуда ты можешь знать?

— Просто знаю, и все. Если бы ты услышал ее...

— Как же я ее услышу? Ведь является она тебе!

— Да. Это проблема.

— Х-ха! Такие проблемы решаются в пять минут. Могут дать отличное снотворное... Осталось от той гадины, что сбежала от меня в Санта-Полу...

— Я не уверен...

— Срок годности снотворного еще не вышел, так что ничего страшного не случится. И переживать не стоит. Придет к тебе эта сучка разок-другой, а ты — вот он! Спишь, как младенец, и никакими мольбами на непонятном языке тебя не разбудить. На третий раз сама отвянет, помяни мое слово!

— Я не уверен, что хочу решить эту проблему... таким способом.

— Другого нет. За исключением психушки. Ты же готовый пациент, если посмотреть на дело здраво. Нужна тебе психушка?..

— Она говорит, как говорят киты... Или как дельфины. Звук резкий, очень высокий. Похожий на свист. На щелканье. И еще на то, как будто по каменному полу разбросали орехи. А иногда, вместо орехов, в ход идут стеклянные бусины... А иногда звук похож на спицу, которую втыкают прямо в ухо...

— Н-да... Пожалуй, психушки тут не избежать.

— Ты мой единственный друг, Анхель-Эусебио! И ты сам... сам все начал. Ты мог поступить совсем по-другому.

— Наверное. Но что бы тогда случилось с нашим тихим островом? Со всеми нами?.. А-а, что теперь говорить? Что сделано, то сделано.

— Ты сам все начал.

— Не было дня, чтобы я не раскаивался в этом. Поверь.

— Я не осуждаю... Что сделано, то сделано. Но спица в ухе — очень неудобная вещь. Когда-нибудь она меня убьет.

— Нет никакой спицы, Маноло! А если и есть — то только в твоём воображении. Как сучка, что является тебе. На самом деле она мертвая. Три года, как мертвая. Мы же вместе похоронили ее, вспомни! И двух других тоже. И они были ничуть не хуже первой. Но почему-то до сих пор молчат и не являются тебе. Ведь молчат? Хотя поводов заговорить у них было не меньше. Они молчат или нет?

— Молчат.

— Это ли не подтверждает, что все происходит в твоей голове? Пустой, как орехи, которые ты тут живописал.

— Я не говорил, что орехи были пустыми.

— Пустые, полные... Никакой разницы нет, как между теми тремя сучками.

— Есть.

— Нет.

— Есть!

— И в чем же, в чем же разница?

— Она самая красивая из всех... И она единственная, кто улыбнулся мне в Мадриде. На солнечной стороне улицы.

— Кажется, речь шла о той стороне улицы, где всегда горят огни и полно народу... Стоп-стоп! Ты видел ее в Мадриде, глупый мой Маноло? Вы были знакомы? Что ж ты сразу не сказал?!

— Я не говорил, что мы были знакомы. Я говорил — сложись обстоятельства по-другому...

— Совсем меня запутал, придурок!

— Сложись обстоятельства по-другому — она могла бы меня полюбить? У меня был бы шанс?

— Она мертвая!

— Да-да... Но у меня был бы шанс?

— Хочешь знать мое мнение? Никакого шанса у тебя не было. Посмотри на себя. Ты же сельский дурачок. Ты в жизни ни одной книжки не прочел! И со счетом у тебя плохо. Ни к чему ты толком не приспособлен, и руки у тебя не от туда растут, а уж о голове я вообще молчу. Если бы не моя доброта — ты бы давно подох от голода. Вот и прикинь — чему равняется твой шанс.

— Хорошо, что она так не думает.

— Проклятье! Она не может думать, она мертвая!

— Да-да... Только слова твои ничего не значат, Анхель-Эусебио. Хоть ты и мой единственный друг. Потому что она в конце концов выбрала меня.

— Она мертвая!

— Не имеет значения. Она выбрала меня — потому и приходит.

— Х-ха! И тычет спицей тебе в ухо!..

— Мне нужен человек, которого ты звал Морайя¹.

— Кого это я звал Морайя?

— Он снимал комнату у старухи Майтэ в прошлом году
В начале марта, вспомни. Приехал сюда с кучей оборудования...

— А-а!.. Сраный шведишка! Так бы и говорил — мне нужен сраный шведишка с проплешинами на темени и калдыком с арбуз размером!.. Стихийное бедствие — вот что нас постигло с его прибытием. Разве нет?

— Наука — всегда стихийное бедствие.

— Как ты прав, друг мой Маноло, как ты прав!.. Известно, что случилось бы с нашим островом, если бы мы его не выпроводили тогда. Конечно, мы были не очень почтительны...

— Почтительны! Да мы выгнали его взащей!

— Ты предпочел, чтобы он остался? Чтобы продолжал все тут вынюхивать, высматривать, совать нос куда не следует...

— Он ученый, а ученые всегда суют нос куда не следует.

— А если бы он узнал?.. Если бы его дурацкие приборы...

— Вообще-то приборы не были такими уж дурацкими.

— Как будто ты в этом разбираешься! Не смей меня, Маноло.

— Он кое-что рассказывал про эти приборы. Особенно много про один, самый главный. Забыл, как он называется...

— Вот-вот! Из твоей башки все утекает, как из худого ведра!

— Пусть. Мне нужен Морайя. И его прибор. Он может точно определить местоположение кита и узнать, чего хочет кит. Так говорил Морайя. Или примерно так.

— Твой Морайя такой же недоделанный, как и ты. Китов у нас отродясь не бывало.

---

¹ Мелкая рыбешка (исп.).